

Йолкін А. І. У пошуках кращої долі: російські студенти-емігранти в Польщі у 20–30-ті рр. ХХ ст.

У статті розглянуто соціально-побутові умови, в яких опинилися російські студенти-емігранти в Польщі. Їм відразу ж довелося зіткнутися зі складними проблемами: відсутністю продуктів харчування, одягу та взуття, житла. Безпосередній вплив на можливість успішного навчання у вузах, навчальні заняття та завершення навчання мало правове становище російських студентів, а також обмежене право пересування по країні та право вільного вибору місця проживання. Допомога у проведенні студентських літніх канікул зазвичай надавалася православними монастирями. Стикаючись із численними проблемами, студенти намагалися спертися на підтримку емігрантських організацій не тільки в країні, але і за її межами.

Ключові слова: Польща, студенти, стипендія, гуртожиток.

Yolkin A. I. Searching for a better life: Russian students, immigrants in Poland in the 20-30 years of the XXth century.

The article considers the social conditions in which the students were Russian immigrants in Poland. They immediately had to deal with complex problems: the lack of food, clothing and footwear; housing. A direct impact on the possibility of successful learning in higher education, training sessions and completion of study affected the legal status of Russian students, as well as a limited right of movement within the country, and the right of free choice of residence. Assistance in the student's summer vacation is usually provided to the Orthodox monasteries. Faced with numerous challenges, the students tried to rely on the support of immigrant organizations, not only in the country but also abroad.

Keywords: Poland, students, the scholarship, the hostel.

УДК 94 (470. 325+477. 54) «16»: 323. 3-057. 36

К вопросу о социальном составе и материальном обеспечении валуйских станичников в первой половине XVII в.

Кушнарєв С. С.

У статті розглядаються питання, пов'язані з організацією та функціонуванням станичної служби в південному прикордонному місті в першій половині XVII ст. Завдяки залученню архівних матеріалів автор аналізує походження представників данної служилої групи та ступінь забезпечення станичників жалуванням і землею. Виходячи з аналізу та узагальнення джерел, зроблені висновки про важливість станичної служби в обороні південних кордонів держави і особливе положення станичників в соціальній структурі південноруського міста.

Ключові слова: жалування, служилі люди, станичники, південне порубіжжя.

Валуйская крепость, основанная в 1599 г. при впадении реки Валуй в Оскол, длительное время являлась важным звеном в процессе заселения Среднего Поосколья и организации обороны южного порубежья Российского государства. Изучение истории заселения и хозяйственного освоения края, а также проблем государственного строительства в конце XVI–XVII вв., невозможно без рассмотрения практических мер правительства по созданию оборонительного комплекса, включавшего в себя такую важную составную, как станичная служба. В Валуйках она была организована в 1625/26 г. с созданием 24 разъездных станиц, действия которых охватывали территорию, выходящую далеко за пределы Среднего Поосколья. На протяжении почти всего XVII в. валуйские станицы, наряду со станицами из других южнорусских городов, выполняли ряд важных функций, связанных как с оборонительными мероприятиями правительства, так и с внешнеполитическими сношениями государства.

Мероприятия, проводившиеся правительством по защите южных границ Российского государства, длительное время интересовали

исследователей. Важными историографическими вехами являются работы И. Д. Беляева [3], В. П. Загоровского [7, 8], А. И. Папкова [17] и М. Ю. Зенченко [9]. Авторы затрагивали проблемы, связанные с организацией и реформированием станичной и сторожевой службы в XVI–XVII вв., направлениями станичных маршрутов, состоянием и развитием службы на различных этапах. Однако вопросы, связанные с особенностями организации и функционирования станичной службы на территории Среднего Поосколья, обеспечения станичников денежными и поместными окладами, социального состава станиц специально рассмотрены не были.

Целью настоящей работы является изучение становления и функционирования станичной службы в Валуйках на примере рассмотрения вопроса о социальном составе и материальном обеспечении станичников, что позволяет определить место и значение данной служилой группы в социальной структуре города-крепости и в политике Российского государства на южном побережье в первой половине XVII в.

Основными источниками для написания работы послужили опубликованные в XIX в. царские указы, распоряжения, челобитные служилых людей [1], а также десятки денежных раздач, разрядные справки, указы и выписки к докладам фонда Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов [37]. Отдельные документы по исследуемой проблеме отложились в фонде Воронежской приказной избы Государственного архива Воронежской области [6].

Социальный состав валуйских станичников относится к числу основных показателей, которые характеризуют значение и роль данной служилой группы южнорусского города в процессе обороны и освоения территории «поля» в XVII в. Станичные атаманы и ездоки, связанные со своим городом в хозяйственном и служебном отношении, оказывали значительное влияние на экономическую и культурно-бытовую жизнь пограничного города и формировавшегося вокруг него уезда. Социальную составляющую валуйских станиц можно проследить благодаря ряду источников и при использовании генеалогических методов исследования. Одним из основных источников являются указы из Разряда с инструкциями о наборе служилых людей в станицы. В грамоте валуйскому воеводе Федору Сухотину от 17 февраля 1625 г., присланной в связи с набором в станицы, было сказано: «Велено ... прибрати в станичную службу от отцов детей, от братьев братью, и от дядей

племянников, и сусед, и подсоседков, и всяких вольных людей» [6, л. 1-2]. В январе 1626 г. в станичники было выбрано «в атаманы из служилых казаков, а в ездоки из всяких служилых людей» [25, л. 56]. В справке из Разряда 1627 г. сказано, что атаманов «взято из жилых казаков и стрельцов, а ездоков из пушкарей и гулящих людей» [25, л. 67]. В указе 1630 г. говорится: «... вместо старых и увечных и в полон взятых велено на Валуйку набирать ис полковых казаков и стрельцов и ис пушкарей самых добрых и конных людей» [25, л. 9]. Станичные атаманы, исходя из оброчной книги 1625/26 г., были набраны из пушкарей, гулящих людей и пеших стрельцов [34]. Из оброчной книги также следует, что ездоки прибирались из пушкарей, затинщиков, казаков, гулящих людей и ремесленников из Черной слободы [34]. В результате в Валуйках набрали 24 «проезжие» станицы, каждая из которых состояла из атамана и пяти ездоков.

Анализ содержащихся в оброчной книге 1625/26 г. чернослободских фамилий, имеющих в большинстве случаев происхождение от названий профессий, и фамилий станичных ездоков по прибору 1626 г., позволяет определить выходцами из ремесленных кругов Варлаама Золотарева (Серебрянника), Михаила Кожевникова, Пимена Котельникова, Прохора Чеботова, Герасима Овчинникова (в оброчной книге его отец записан портным мастером) и нескольких ездоков с фамилией Кузнец. Станичные атаманы в рассматриваемый период с подобными фамилиями не встречаются. Среди ездоков также видим Симона Веневского – пасынка пушкаря Поздняка Шацкого, бывшего в 1619 г. кабацким и таможенным целовальником [19, с. 169-170], а в 1625 г. – держащим лавку в городе [34, л. 55 об].

За свою службу станичники получали поместные оклады, денежное и хлебное жалование. О величине поместных окладов сказано в царской грамоте воронежским воеводам Ивану Волынскому и Семену Усову от 17 февраля 1625 г.: «а оклады станичникам указали ... учинить: атаманам поместья по 100 чети¹ в поле, ездокам – по 50 чети в поле, а в дву по тому ж» [6, л. 1-2 об.]. Интересно, что оклады белгородских станичных атаманов в это же время делились на 7 статей от 100 до 450 четей каждая [28, л. 215-216]. Та или иная статья устанавливалась во время смотра и зависела от социального происхождения, личных заслуг, снаряжения,

¹ Мера площади — 0,5 десятины засеянной земли; использовалась в качестве единицы поместного оклада.

физических данных и т. п. [4, с. 110-111]. Валуйские атаманы и ездоки имели фиксированные оклады.

Наделение станичников землей связано с единственным сохранившимся писцовым описанием Валук 1626 г.² По своей сути этот документ является переписной и окладной книгой подгородных слобод служилых людей. В его основе, по мнению И. Н. Миклашевского, находились более ранние документы – выписи из приправочных книг Григория Челюсткина 1614 г. и выписи Василия Сараева. Также писцы имели наказ из Разряда, который содержал информацию о количестве служилых людей в городе и размерах их земельных окладов [14, с. 87]. Прибор валуйчан различных разрядов в станичники давал им право на получение большего земельного надела, сравнительно с тем, которым они владели до записи в станичную службу. В писцовом наказе 1625 г. писцам М. Хлопову и Л. Недовескову сказано, что «дворовые месты и пашнеми волуйские станишники не устроены, потому что на Волуйке в остроге порозжих мест нет, а под городом земли все за волуйскими за служивыми и за жилецкими людьми» [35, л. 1 об.]. Писцы должны были произвести полный передел земли, принадлежавшей до 1625 г. валуйским служилым людям. Под описание и передел подпадали «дворовые усады в городе и в остроге, и в слободах, и за городом, и за острогом огородные места, и пашню паханную, и переложную, и луга, и всякие угодыя в подгородных и дальних местах». Писцовая книга 1626 г. считалась у станичников главным основанием владения землей, спорные вопросы по которой разбирались вплоть до начала XVIII в.

Размер поместного оклада имел довольно условное значение и зачастую не соответствовал поместной даче. 24 атамана получили общий надел 1032 чети в поле в дву по тому ж, а 120 станичных ездовых – 2130 четей в поле в дву по тому ж в семи и четырех урочищах соответственно [14, с. 92]. В результате каждый атаман в среднем был наделен пашенной землей в 43 чети от величины оклада в 100 четей в поле в дву по тому ж. Станичные ездоки получили по 18 четей на человека, что от поместного оклада составляло 9 %. При урожайности XVII в. душевой надел в 18 четей давал в среднем 110 пудов хлеба в год [10, с. 145]. Душевая норма при этом составляла 15 пудов на человека. Однако еще в XVI в. было

² Существует упоминание еще как минимум одного описания города – писца Сидора Сухотина и подьячего Воина Абрамова 1621 г. Писцовая книга Ямской слободы города Валук 1628 г. не имеет финансового характера.

установлено, что полностью обеспечить себя для военной службы служилый человек мог не менее чем со 100 четей земли [4, 124].

Каждая служилая группа города наделялась своим полем, отмеченным межами. Писцы провели новую разверстку «против окладов», в результате чего станичники получили землю за счет уменьшения наделов конных казаков, конных стрельцов, загинщиков и пушкаррей [14, с. 88]. Станищикам землю отрезали от наделов конных стрельцов [14, с. 91]. Только 9 ездовых, которым не хватило земли возле Николопристанского монастыря, получили те наделы, которыми владели до записи в станичники или получили наделы с другими группами служилых людей. Общие дачи предполагали коллективные формы владения: станичники должны были «пашню пахать через десятину, сено косить и всякими угодыями владеть по своей даче» [4, с. 143]. Подобный порядок дач являлся характерной чертой однодворческого землевладения, которая состояла в отводе земли на группу служилых людей для владения наделами как суммой жеребьев. Такой порядок, по мнению В. М. Важинского, восходит к истокам формирования поместной системы, когда коллективное испомещение обеспечивало совместные формы защиты от врагов [4, с. 126]. Эта особенность наиболее заметна на примере южного порубежья. Во время полевых работ, когда часть служилых людей находилась на пашне, вокруг выставлялись сторожи или сотни из стрельцов, казаков и станичников «от приходу воинских людей татар» [30, л. 196-197].

Также писцы составили роспись, кому и у кого на дворе станичники должны ставить избы и клетки «для осадного сидения», так как в городе свободного места уже не было [30, л. 91]. Участки под усадьбы и огороды ездоки и атаманы получили за Черной слободой по 8 и 25 десятин соответственно [14, с. 91]. Дача земли под усадьбы за пригородной слободой, т. е. фактически на уездной земле, еще раз указывает на более привилегированное положение станичников по сравнению с остальными группами служилых людей. Право станичника на землю было обусловлено службой. Если ездок или атаман погибал, попадал в плен или умирал, то пашенные земли оставались за его женой или детьми до особого распоряжения из Разряда [25, л. 11]. При этом усадебные места и дворы оставались за семьей «после мужей по-прежнему» [18, с. 164]. В 1646 г. ездок Степан Пригаринов пропал без вести во время разъезда к Святым Горам [32, л. 158]. Указом из Разряда

его сыну, Сергею Пригарину, отдали «всяких угодий половину отцовых», а на место Степана был прибран гулящий человек Иван Семенов [32, л. 160-162]. Полностью надел отбирался, если станичник не служил или находился в бегах. Так, например, земля ездока Михайла Каткова, постригшегося в монахи в 1636 г., была отдана новоприбранному ездоку из конных стрельцов Кондратию Швецову [29, л. 367].

Пашенным наделам сопутствовал отвод земли на выгон, сенокосы и другие угодья, например, лес с пчельником или рыбные ловли. Так, из 5 пчельников, расположенных вокруг Валук, 3 принадлежали ездокам [36, с. 80]. Часть станичников, еще до прибора на службу, держали на оброке рыбные ловли на реке Оскол [34, л. 50]. Например, стрелец Моисей Жерноклев, ставший позже ездоком восемнадцатой станицы, с оскольских угодий в 1626 г. заплатил в казну оброк «с окладу сполна» в сумме 13 руб. [34, л. 54]. За пользование пчельниками и рыбными ловлями ездоки и атаманы должны были ежегодно платить в казну по 40 коп. и пуду меда. Также к поместным окладам станичники получили сенокосные угодья. Их площадь измерялась количеством копен накошенного сена при условии, что 10 копен снимается с 2 четей земли [36, с. 65]. Сенокосы выделялись «вполю четвертных дач» за их пашнями, в тех же урочищах [4, с. 142]. По раздаче 1626 г. атаманам отмеряли по 100 копен, а ездокам по 50 копен сена на человека [14, с. 88].

К поместному окладу станичники получали еще и оклад денежный. Он должен был выдаваться в пропорции, которую Г. Котошихин определял следующим образом: за 5 четей поместного оклада назначался денежный оклад в 1 руб. [12, с. 196]. Однако денежные дачи, как и поместные, не всегда соответствовали окладу. В некоторых случаях жалованье выдавалось в урезанном виде или с одноразовой прибавкой по указу царя и справке из Разряда. Денежное жалованье станичники получали на основании десятен денежных раздач. Последние выступают в качестве одного из наиболее важных источников по истории порубежных городов Российского государства XVI–XVII вв., в котором содержится информация о военно-служилой иерархии, величине поместного оклада, денежном жаловании и «посылках» служилых людей, расписание станичных маршрутов и обязанностей по несению службы. К сожалению, значительное число десятен не дошло

до нашего времени. По Валуйкам сохранилось всего 7 десятен денежных раздач первой половины XVII в. [15, с. 83-84]. Самая ранняя из них, раздачи воеводы Никиты Александровича Чоглокова, датирована июлем 1628 г. [21]. Самая поздняя – раздачи стольника Ивана Федоровича Голенищева-Кутузова 1649 г. [22, л. 252-264]. Десятню раздачи Никиты Аладьина 1627 г. можно частично восстановить по справкам из Разряда [32, л. 101] и более поздним документам. Информацию о первом наборе в станицы в 1626 г. можно восстановить по Оброчной книге 1625/26 г. и писцовой книге Валук 1626 г.

Десятни денежных раздач составлялись ежегодно во время войскового смотра в конце марта – начале апреля [29, л. 364]. Если при этом самой раздачи не производилось, то жалованье выдавалось по предыдущему списку в прежних размерах. В десятню вносились данные о персональном составе каждой из 24 валуйских станиц с указанием, «кто взят на новое место» [23, л. 87об.].

Необходимо отметить, что валуйские десятни денежной раздачи составлялись не для служилых людей по отчеству (дворян, детей боярских), как в других городах, а для станичных атаманов и ездоков, то есть для служилых людей по прибору. Интересно, что в разрядных справках первой половины XVII в. и росписном списке города 1681/82 г. встречается следующая формулировка: «а на Волуйке вместо детей боярских станичники» [13, с. 934]. Причисление последних к детям боярским было, скорее всего, данью традиции, которая брала свое начало с боярского приговора 1580 г. [1, с. 52]. Однако наличие отдельных десятен денежных раздач для станичников показывает, что данная категория служилых людей была отделена от дворянства. Включение станичников в корпорацию служилых по отчеству можно наблюдать в Воронеже и Белгороде [9, с. 183]. Однако в Валуйках, ввиду полного отсутствия дворян, станичники «писались в десятни» вместо детей боярских и имели несколько особое положение, нежели станичники Белгорода и Оскола. Это в определенной мере подтверждает высказывание Г. Н. Шмелева о том, что в южных уездах термин «дети боярские» обозначал скорее не социальное происхождение, а только род воинской службы [38, с. 14].

На особое положение станичников указывает и размер жалованья. Атаманы станиц, набранные из валуйских служилых людей, после 1624 г. [24, л. 507-508] получали деньги на одном

уровне с белгородскими и оскольскими детьми боярскими [29, л. 322-323]. По раздаточным книгам воеводы Никиты Чоглокова 1629 г. валуйские атаманы получили жалованья по 10 руб., а станичные ездоки и вожи – по 6 руб. [25, л. 58-62]. В это же время белгородские и оскольские дети боярские получили денежное жалованье наравне с валуйскими станичными атаманами. В Белгороде и Осколе станичные атаманы получали жалованье по 8 руб. [25, л. 62-64].

Примечательно, что в 1630/31 г. валуйским станичникам жалованье выдавалось по раздаточным книгам Белгорода и Оскола, которые сохранились в архиве Разряда после «московского разоренья». Книги были составлены боярином князем Борисом Лыковым и боярином Иваном Салтыковым еще при Борисе Годунове [28, л. 362]. Согласно разрядным записям, князь Борис Лыков-Оболенский в 1603/04 г. получил назначение воеводой в Белгород [2, с. 210] и прослужил на этом месте до февраля 1605 г. Следовательно, раздаточная книга белгородским и оскольским станичникам была составлена не позднее 1604/05 г. Разрядная справка о даче жалованья на 1630/31 г. дополнена выпиской из Станичной книги 1598 г. Из документа следует, что 9 февраля 1598 г. белгородские и оскольские станичники подали челобитную царице-инокине Александре Федоровне³ с просьбой выплатить им «проезжие деньги» на 1597 г. В результате «государыня царица инокиня Александра Федоровна велела им дать проезжие по прежнему государеву указу» – станичным головам по 6 руб., а станичным ездокам и жокам по 2 руб. Жалованье тех станичников, которые умерли к моменту раздачи, выдавалось их женам и детям [28, л. 329-330].

Натуральная часть жалования валуйских станичников в 20-30-х гг. XVII в. колебалась от 2 четей⁴ овса и 2 четей ржи до 6 четей ржи и овса соответственно [27, л. 236-237]. В денежном выражении эта часть жалования соотносилась примерно так: по 30 коп. за четь овса и четь ржи в 1633 г. и 16 коп. за четь ржи, 21 коп. за четь овса в 1634 г. [27, л. 236-237]. При этом в 1634 г. станичники хлебное жалование получили «сполна» [27, л. 237]. Таким образом, станичники к денежному окладу получали выплаты за натуральную часть жалования в разное время от 74 коп. до 7 руб. 20 коп.

³ До пострига – царица Ирина Борисовна, жена царя Федора Иоанновича.

⁴ Мера объема сыпучих тел, которая использовалась для измерения количества зерна, круп и муки.

Интересно сравнение жалований станичников и валуйских конных и пеших стрельцов, так как последние были одним из важнейших составных элементов русской военной организации XVI–XVII вв. Так, поместный оклад конных стрельцов в 1626 г. равнялся 30 четям в поле. Реальный размер «пашни паханой» на одного конного стрельца составлял 11,5 четь в поле. Пешие стрельцы были на окладе в 20 четей в поле при реальном размере запашки в 8,2 чети в поле. При этом валуйские стрельцы, по переписи М. Хлопова и Л. Недовескова 1626 г., землю получили вместе с затинщиками: «А делить пешим стрельцам с затинщиками землю самим меж себя» [14, с. 88].

Размеры стрелецкого жалования колеблются в незначительных пределах в зависимости от времени и места [5, с. 65]. Чаще всего стрельцы получали оклад от 3,5 до 3 руб. и от 6,5 до 6 четей ржи «и овса по тому ж». При этом хлебное жалование они зачастую получали деньгами по «указной» или по местной «торговой» цене из городских таможенных и кабацких доходов [33, л. 170-171]. Стоимость натуральной части жалования рядовых стрельцов к середине XVII в. равнялась 4,07 руб. и 4,63 руб. у пятидесятников [11, с. 170]. Таким образом, стрелецкие пятидесятники получали денежное жалование почти в 2 раза ниже жалования атамана валуйской станицы.

Представление о жаловании станичников было бы неполным без учета различных экстраординарных и единовременных выдач. Можно выделить основные виды таких выдач: 1) за посылку с вестями и отписками; 2) за «полонное терпение» и раны; 3) за «царское провожание»; 4) за сеунч; 5) за донские посылки; 6) за пожар, недород и пр. Подобные выдачи в различных источниках встречаются очень часто, а их размеры различны в зависимости от рода службы. За сеунч станичники обычно получали сукно и денежное вознаграждение в пределах 1–10 руб. [1, с. 495]. Например, в 1637 г. по челобитью валуйчан в Разряд о пожаловании их за сеунч казной выплачено, в дополнение к основному окладу, по 1 руб. ездокам станиц атаманов Савостьяна Подшивалова и Софония Бобырева [29, л. 60-62]. В отдельных случаях за сеунч могли пожаловать, кроме денег и сукна, серебряную посуду, куньи сорока, камку⁵ [1, с. 511]. За «полонное терпение» также выплачивали деньгами и сукном [1, с. 631]. По челобитной станичникам могли

⁵ Китайская узорчатая ткань XVI–XVII вв. с шелковой основой.

выдать деньги на обустройство дворов после пожара, а в 1630 г. валуйские ездоки и атаманы получили дополнительное хлебное жалование ввиду недорода из-за засушливого лета и ранних морозов [26, л. 349-351 об.]. Размеры подобных выдач составляли около 5 руб. и 2–4 чети ржи и овса на человека [26, л. 350].

Убытки, которые могли понести станичники во время разъездов, покрывались особым государевым жалованьем «за службу и за изрон, и за полон». Эта мера была введена указом Федора Иоанновича в октябре 1594 г. и предполагала выплату денежной компенсации в размере 4 руб. за коня и 3 руб. за мерина. В некоторых случаях вместо денег выдавали лошадей [31, л. 404]. Если станичник погибал, получал ранение или попадал в плен во время разъезда, то его семья получала единовременную компенсацию в размере 4 руб. из городских кабацких и таможенных доходов [31, л. 406-407].

Принимали участие станичники в торговой и ремесленной деятельности. В городе из 10 кузниц 4 принадлежало станичным ездокам [34, л. 57-57 об.]. В 1626 г. 11 ездоков было прибрано из жителей ремесленной Черной слободы (29 % всех чернослободских дворов). Двое из них, Игнат Котыганов и Михайло Чеботар, имели свои лавки, с которых платили по 6 коп. оброку [34, л. 56 об.-57]. Всего среди 144 станичников в первый год существования станиц было 12 владельцев лавок, что составляло 40 % от всех торговых заведений в городе. Валуйчанин Антон Зернов, в первый год своей службы в ездоках, купил лавку у полкового казака Петра Моисеева [34, л. 56 об.]. С каждой лавки в казну взимался оброк размером от 12 до 20 коп. [34, л. 55-57]. В таможенных книгах Курска встречаются валуйские станичные ездоки, торговавшие в городе в разное время: Анисим Некрылов (в 1628/29 г. торговал лошадьми [16, с. 169, 171]), Афанасий Ребинин (в 1626/27 и 1646/47 гг. торговал лошадьми [16, с. 153, 158]) и Климентий Голев [16, с. 189]. Последний в 1628/29 г. торговал еще и в Белгороде [20, с. 68]. При этом в самих Валуйках своих лавок они не имели и их торговля валуйскими источниками не фиксируется. Два станичника, атаман Яким Корякин и ездок Гаврило Торопов, торговали в лавках гулящего человека Ивана Карпова и затинщика Сеньки Насонова соответственно [34, л. 55]. Гаврило Торопов в 1620/21 г. также торговал в Воронеже воском и лосиными шкурами, платя оброк в 30 коп. [16, с. 23]. По государевой грамоте 1625 г. ездоки и атаманы освобождались от уплаты оброка с ремесленных и торговых заведений, «пока их устроят дворовую усадьбою и землею» [34, л. 60].

Таким образом, социальное происхождение валуйских станичных атаманов и ездоков было достаточно разнородным. С одной стороны, важность станичной службы в системе обороны южного порубежья Российского государства требовала привлечения к ней наиболее опытных и зажиточных служилых людей. Если в Белгороде, Осколе и других пограничных городах станичными атаманами становились дети боярские, то в Валуйках на их место верстались наиболее зажиточные люди из различных служилых групп, в том числе и гулящие люди. Часть их была выходцами из торгово-ремесленных кругов. Имущественное положение станичников создавалось хлебным жалованием, денежным жалованием по окладу и поместным окладом, которые зачастую приравнивались к окладам детей боярских других пограничных городов. Это еще раз указывает на особое положение станичников и важность их службы на южном порубежье государства в первой половине XVII в.

Примечания

1. *Акты Московского государства*: в 3 т. – СПб., 1890–1892. – Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 гг. – СПб., 1890. – 776 с.
2. *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.) / С. А. Белокуров. – М., 1907. – 342 с.
3. *Беляев И. Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства / И. Д. Беляев. – М., 1848. – 451 с.
4. *Важинский В. М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. (По материалам южных уездов России) / В. М. Важинский, – Воронеж, 1974. – 235 с.
5. *Водарский Я. Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX вв. Размеры и размещение / Я. Е. Водарский. – М., 1988. – 303 с.
6. *Государственный архив Воронежской области.* – Ф-И. 182. – Оп. 6. – Д. 10.
7. *Загоровский В. П.* Белгородская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1969. – 304 с.
8. *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1991. – 272 с.

9. *Зенченко М. Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – в н. XVII вв.: (опыт государственного строительства) / М. Ю. Зенченко. – М., 2004. – 223 с.
10. *Индова Е. И.* Урожай в Центральной России за 150 лет (XVII–XVIII вв.) / Е. И. Индова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – М., 1965. – С. 141–155.
11. *Ключевский В. О.* Сочинения: в 8 т. / В. О. Ключевский. – М., 1959. – Т. 6. Исследования, рецензии, речи (1866–1890). – 516 с.
12. *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича / Г. К. Котошихин. – СПб., 1884. – 272 с.
13. *Материалы* по истории Воронежской и соседних губерний: собранные и изданные секретарем Воронежского губернского статистического комитета Л. Б. Вейнбергом. – Воронеж, 1886. – Вып. 10. Валуйские документы. – 955 с.
14. *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства / И. Н. Миклашевский. – М., 1894. – Ч. 1. – 310 с.
15. *Описание* документов и бумаг Московского архива министерства юстиции: в 20 т. – Т. 7. Опись десятен. – М., 1890. – 426 с.
16. *Памятники* южновеликорусского наречия. Таможенные книги: [изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова]. – М., 1982. – 345 с.
17. *Папков А. И.* Особенности пограничной службы на южных рубежах России в 1635–1648 гг. / А. И. Папков // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы международной научно-практической конференции. – Белгород, 1998. – С. 11–13.
18. *Полное собрание законов Российской империи*: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]: в 45 т. – Т. 1. С 1649 по 1675 год. – СПб., 1830. – 1072 с.
19. *Приходо-расходные* книги московских приказов 1619–1621 гг. / [С. Б. Веселовский]. – М., 1983. – 479 с.
20. *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке: (По материалам таможенных и оброчных книг города) / А. И. Раздорский. – СПб., 2001. – 762 с.
21. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Дела десятен. Кн. 143.
22. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Дела десятен. Кн. 243.
23. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Дела десятен. Кн. 249.
24. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Д. 11.
25. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Д. 25.
26. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Д. 31.

27. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Д. 55.
28. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Д. 60.
29. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Д. 74.
30. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Д. 127.
31. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Д. 165.
32. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Д. 247.
33. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Д. 643.
34. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 21. Д. 8.
35. РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Кн. 50.
36. *Слюсарский А. Г.* Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. / А. Г. Слюсарский. – Х., 1964. – 460 с.
37. Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель: в 4 т. – Т. 1. – М., 1991. – 530 с.
38. *Шмелев Г. Н.* Несколько замечаний об однодворцах: (Разбор исследования Н. А. Благовещенского «Четвертое право») / Г. Н. Шмелев // Отчет комитета о втором очередном присуждении премий, учрежденных Харьковским земельным банком в память двадцатипятилетия царствования Императора Александра II при Императорском Харьковском университете. – Х., 1901. – С. 1–41.

Кушнарєв С. С. *К вопросу о социальном составе и материальном обеспечении валуйских станичников в первой половине XVII в.* В статье рассматриваются вопросы, связанные с организацией и функционированием станичной службы в южном пограничном городе в первой половине XVII в. Благодаря привлечению архивных материалов автор анализирует происхождение представителей данной служилой группы и степень обеспечения станичников жалованьем и землей. Исходя из анализа и обобщения источников, сделаны выводы о важности станичной службы в обороне южных границ государства и особом положении станичников в социальной структуре южнорусского города.

Ключевые слова: жалование, служилые люди, станичники, южное порубежье.

Kuschnarev S. S. On the question of the social structure and material support of Valuyskih stanitsy in the first half of XVII century.

The article discusses issues related to the organization and functioning of the service stanitsy in the southern border town in the first half of the XVII century. Due to involvement of archival materials, the author analyzes the degree of providing wages and land and also tries to trace social origins of members of this service class. Based on the analysis and generalization of sources were drawn conclusions about the importance of service stanitsy in the defense of the southern border of the state and a special position of stanichniki in the social structure of the southern Russian city.

Keywords: salary, service class, stanichniki, southern borders.

УДК 327(47+57)«1945/1956»:331.105.44

Профсоюзная пропаганда во внешней политике СССР (1945–1956 гг.)

Чернявский Л. С.

В статье рассмотрены место и роль пропаганды, которую вел советский профсоюзный центр ВЦСПС, а также международный профцентр ВФП, во внешнеполитическом курсе СССР в начальный период холодной войны. Выявлены основные линии противостояния в пропагандистской борьбе между ВФП и МКСП.

Ключевые слова: внешнеполитическая пропаганда, ВЦСПС, Всемирная федерация профсоюзов (ВФП), Американская федерация труда (АФТ), Международная конфедерация свободных профсоюзов (МКСП).

Проблема внешнеполитической профсоюзной пропаганды в годы холодной войны в исторической науке еще не рассматривалась. О ней лишь иногда упоминается в исторических исследованиях, главным образом – зарубежных. В отечественной историографии не имеется работ по данной проблеме. Между тем, исследование различных аспектов холодной войны в условиях установившегося в настоящее время «холодного мира», когда она может возобновиться, остается весьма актуальным.

Пропаганда была одним из важнейших элементов «холодной войны». Особое место в общей системе пропаганды противоборствующих сторон занимали профсоюзы. С советской стороны ВЦСПС и ВФП были призваны убеждать трудящихся планеты в миролюбивых намерениях СССР и социалистических стран, в преимуществах социализма, мобилизовывать трудящихся на акции протеста против капиталистической эксплуатации, показывать «превосходство социалистического строя над капиталистическим» и т. п., что должно было ослаблять систему империализма, создавать благоприятные возможности для «углубления общего кризиса капитализма». При этом зарубежные исследователи отмечают пропагандистскую деятельность как одну из важнейших функций советских профсоюзов [10, р. 147].